

БИБЛІОГРАФІЯ.

О Богданѣ Хмельницкомъ. Сочиненіе П. Н. Будицкаго. Харьковъ, 1882 г.

Сочиненія, которыя пишутся съ цѣлю получить за нихъ ученую степень, нерѣдко имѣютъ только временное значеніе. Не мало было такихъ писателей, которые въ жизни своей только разъ являлись на литературномъ полѣ въ своей молодости и потомъ облеклись въ санъ магистра или доктора и, усѣвшись гдѣ нибудь на профессорской кафедрѣ, исчезали навсегда для публики, существуя исключительно въ скромномъ и почтенномъ кругу своихъ учебно-служебныхъ занятій. Ихъ диссертациі, которыя дали имъ доступъ къ этому кругу, обыкновенно забывались. Прямѣры, когда магистерскія и докторскія диссертациі и переживали эпоху своей временной необходимости, довольно рѣдки и потому тѣмъ болѣе драгоценны. Настоящая диссертациа, вѣроятно, и послѣ своего публичнаго защищенія останется постоянно нужною книгою въ библиотекѣ всякаго занимающагося серьезно русскою исторіею.

Авторъ избралъ предметомъ своего научнаго изслѣдованія одну изъ такихъ эпохъ нашей исторіи, когда народъ является не страдательною массою подъ давленіемъ дипломатическихъ сношеній, военныхъ дѣйствій, законодательныхъ мѣръ и правительственныхъ распоряженій, а становится самостоятельнымъ органомъ, творящимъ событія и стремящимся направлять ихъ по своему.

Почти вся исторія южной Руси въ періодъ козачества отличается этимъ характеромъ, но эпоха Богдана Хмельницкаго, какъ эпоха возстанія южнорусскаго народа противъ польско-шляхетскаго господства, эпоха возникновенія изъ козачества политическаго тѣла, болѣе другихъ богата событіями, имѣвшими смыслъ въ народной жизни, и особенно можетъ привлекать къ себѣ мыслителя, умственно работающаго надъ задачами человѣческихъ обществъ и ихъ развитія. Авторъ настоящаго сочиненія занялъ личностью са-

мага героя этой эпохи—Богдана Хмельницкаго. Личность эта не могла до сихъ поръ быть вполне оцѣнена безпристрастно. Поляки, подъ вліяніемъ своихъ патріотическихъ преданій, всегда видѣли и продолжаютъ видѣть въ этой личности не болѣе, какъ бунтовщика противъ справедливой, законной и спасительной власти ихъ предковъ, бунтовщика, надѣлавшаго много вреда ихъ отечеству, единственно ради корыстныхъ и злыхъ побужденій; русскіе, напротивъ, при имени Богдана Хмельницкаго не могутъ забыть о великой услугѣ, оказанной имъ русскому государству и столько уважаютъ его, что ставятъ ему памятникъ. Г. Будицскій пытается стать на точку безпристрастной оцѣнки этой личности, независимо отъ всякихъ предвзятыхъ симпатій и антипатій,—путь вполне правильный. По изслѣдованію г. Будицкаго выходитъ, что Богданъ Хмельницкій съ издавна былъ не противникомъ, а сторонникомъ польскаго-шляхетскаго порядка и такъ съ нимъ сроднился, что и послѣ, при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, не могъ составить себѣ иного политическо-общественнаго идеала, кромѣ шляхетскаго. Мы раздѣляемъ взглядъ г. Будицкаго въ его основаніи, но позволимъ себѣ не сойтись съ нимъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ. Г. Будицскій отрицаетъ не только участіе Хмельницкаго въ равнинныхъ казацкихъ возстаніяхъ, но даже всякое сочувствіе къ такимъ возстаніямъ, какъ объ этомъ заявляютъ польскія историческія свидѣтельства. „Не естественно было бы—говоритъ г. Будицскій—чтобы Хмельницкій, получившій польское воспитаніе, вращаясь въ школѣ между польскою молодежью, снискавшій любовь римскаго духовенства и вельможъ, находясь нѣсколько времени при дворѣ польскаго короля, наконецъ, живя въ богатыхъ своихъ помѣстьяхъ по-пански въ знакомствѣ съ польскою знатью, не естественно было бы, повторяю, чтобы онъ, при такихъ условіяхъ жизни остался щирнымъ украинцемъ и не превратился въ истого поляка. Шляхетный духъ слишкомъ могущественно вліялъ на воспитанныхъ подъ его вліяніемъ лич-

ности, чтобы онъ не пересоздался, по выраженію г. Кулиша, въ ломотивы польской національности. О такихъ ополяченныхъ малоруссахъ казаки говорили, что у нихъ кости русскія, да слишкомъ обросли польскимъ мясомъ“ (стр. 13). Южно-русскіе дворяне конца XVI и начала XVII вѣка хотя и вѣрны были государству польскому, такъ называемой Рѣчи Посполитой, но желали автономіи для своего русскаго края и главное свободы и независимости своей православной церкви. Правда, преследованіе протестантства, получаемого чрезъ Польшу, сильно сблизило ихъ съ поляками, но пока они держались вѣроисповѣданія отцовъ своихъ, до тѣхъ поръ отличали себя отъ поляковъ, именovali себя русскими. Идеалъ ихъ для своей родины, Руси, былъ федеративный: они не думали разрывать связи съ Польшею, но Русь, по ихъ воззрѣнію, должна была, оставаясь съ своею національною, быть соединена съ Польшею, какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ. Конечно, тутъ разумѣлось одно дворянство; о простомъ народѣ никто не заботился, напротивъ, русскіе дворяне, какъ и польскіе, одинаково хотѣли этотъ народъ держать у себя подъ властію. Въ половинѣ XVII вѣка уже многое измѣнилось. Іезуитское воспитаніе успѣло уже переработать большинство южно-русскаго дворянства и довести его до отступничества отъ православной вѣры; оставалось немного вѣрныхъ ей, но такіе послѣдніе изъ мѣщанъ продолжали хранить тѣ понятія и побужденія, какія имѣли отцы и дѣды ихъ: они были искренно вѣрны польскому государству, но также были вѣрны православно-русской вѣрѣ, сознавали и называли себя русскими и желали русской автономіи, при соединеніи ея съ Польшею. Таковъ былъ Кисель, къ которому относилось приведенное выше изреченіе козаковъ о русскихъ костяхъ, обросшихъ польскимъ мясомъ, таковы были и другіе русскіе и еще пока православные дворяне. Соглашаемся, что къ нимъ причислить можно и Хмельницкаго въ періодъ его жизни до возстанія. Такіе православные южнорусскіе дворяне поставлены были

въ двойственное положеніе по отношенію къ козацкимъ возстаніямъ: они не могли сочувствовать къ нимъ вполне и тѣмъ менѣе участвовать въ нихъ, такъ какъ эти возстанія, захватывая въ козацкое званіе массы хлоповъ, дворянскихъ подданныхъ, прямо направлены были противъ дворянства; но отчасти, мимо собственной своей воли и сознанія, они имъ сочувствовали на столько, на сколько тутъ примѣшивался вопросъ о вѣрѣ, а казацкія возстанія всегда предпринимались и за православную вѣру. Отъ этого польскіе дворяне католики относились съ недоумѣніемъ къ православнымъ южно-русскимъ дворянамъ. Отъ этого и объ Адамѣ Киселѣ однажды выразились они, что онъ также далекъ отъ казаковъ, какъ отъ схизмъ, т. е., отъ православія, которое Кисель исповѣдывалъ. Не удивительно, если Хмельницкій, не участвуя явно въ казацкихъ возстаніяхъ, какъ православный шляхтичъ, не былъ чуждъ и сочувствія къ этимъ возстаніямъ, и такое сочувствіе было подмѣчено поляками. Сочувствіе это могло проявиться желаніемъ путями легальными утвердить свободу православной церкви и русской національности и вообще болѣе мягкими отношеніями и къ самымъ возставшимъ, насколько поводомъ къ возстаніямъ была между прочими вѣра. Г. Будицскій отвергаетъ возможность, чтобы митрополитъ Петръ Могила благословилъ Богдана на дѣло освобожденія Южной Руси, а мы думаемъ, что Хмельницкій могъ и даже долженъ былъ бесѣдовать съ митрополитомъ и заручиться его согласіемъ и благословеніемъ именно еще тогда, когда онъ, Хмельницкій, служилъ планамъ короля Владислава, а съ этими планами связывались и поднятіе казачества, и автономія русской національности, и свобода православно-русской вѣры. Это могло быть въ 1646 году до кончины Петра Могилы. Законнымъ путемъ, при содѣйствіи польскаго короля, Хмельницкій могъ для казаковъ и для русской національности желать многого такого, что не приходилось по вкусу полякамъ; оттого они подозрѣвали его въ сочувствіи къ мятежникамъ, хотя и

говорили, что онъ не приставалъ къ нимъ открыто, но умѣлъ хитро укрывать свое участіе въ мятежахъ. Понятно, что, какъ человѣкъ шляхетнаго званія и происхожденія, Хмельницкій никогда ни за что не присталъ бы къ мятежамъ, но когда ему стали дѣлать оскорбленія, когда надъ нимъ стали безъ зазрѣнія совѣсти ругаться, когда при томъ дозволяли себѣ стать къ нему въ такія отношенія именно потому, что онъ былъ русскій—Хмельницкій не стерпѣлъ и сталъ открытымъ, а потомъ непримиримымъ врагомъ польскаго шляхетства. Г. Будицскій думаетъ, что Хмельницкій началъ свое возстаніе изъ за личныхъ интересовъ, обратился къ народу единственно для того, чтобы воспользоваться его силами для удовлетворенія своей мести (стр. 51). Здѣсь много правды, но есть и односторонность. Хмельницкій поднялъ возстаніе изъ-за личнаго оскорбленія, но размова съ польскимъ панствомъ у него началась за то, что Хмельницкій былъ агентомъ замысловъ короля Владислава, въ которыхъ усматривалось желаніе поставить власть королевскую выше власти своеобразныхъ пановъ и вообще нанести ущербъ шляхетскимъ вольностямъ Рѣчи Посполитой. Хмельницкій оттого и не могъ найти себѣ управы противъ оскорбившаго его Чаплинскаго, что паны считали Хмельницкаго враждебнымъ себѣ человѣкомъ, оттого и преслѣдовали его и принудили бѣжать въ Сѣчь. Поднимая возстаніе для удовлетворенія своего мщенія за личныя обиды, онъ въ то же время имѣлъ въ виду дѣло общее, только повелъ его сообразно своимъ прежнимъ шляхетско-православнымъ воззрѣніямъ. Какъ при Владиславѣ онъ покорялся королевской волѣ и заботился о возвышеніи королевской власти, такъ и при Янѣ Казимирѣ, получившемъ корону, благодаря содѣйствію Хмельницкаго, Хмельницкій показывалъ королю покорность и послѣ своихъ блестящихъ побѣдъ готовъ былъ довольствоваться тѣмъ, чтобы казацкое войско зависѣло исключительно отъ королевской особы и чтобы православная вѣра была совершенно свободна отъ давившей ее уни и православные

шляхетскаго званія занимали исключительно мѣста и должности въ южной Руси. Судьба ввела Хмельницкаго разомъ въ двѣ ошибки: онъ ошибся въ Янѣ Казимирѣ, который, ставши королемъ, не послѣдовалъ замысламъ своего покойнаго брата Владислава, а поддался въ волю панству; онъ ошибся и въ своемъ южнорусскомъ народѣ, который возсталъ по призыву Хмельницкаго, но не хотѣлъ идти по тому пути, по которому велъ его Хмельницкій и къ той цѣли, куда вождь хотѣлъ народъ довести. У Хмельницкаго, какъ и у прежнихъ дворянъ православно-русскихъ, самобытность Руси не шла далѣе федеративнаго принципа, да еще намѣченнаго тускло и не ясно очерченнаго, народъ же хотѣлъ полного разрыва и совершенной независимости. Хмельницкій допускалъ, чтобъ народъ оставался подъ управленіемъ шляхетныхъ лицъ, но только чтобъ эти шляхетныя лица были изъ благочестивыхъ „тубольцевъ“, а народъ не хотѣлъ существованія среди себя никакой шляхетчины, хотя бы и благочестивой. Впрочемъ, мы расходимся съ г. Буцинскимъ только въ приложеніяхъ къ нѣкоторымъ событіямъ общихъ его съ нашими воззрѣній на личность Хмельницкаго, вообще же соглашаемся съ авторомъ въ большей части объясненій поступковъ Хмельницкаго.

Мы позволимъ себѣ сказать, что авторъ слишкомъ поторопился, отыскивая въ Хмельницкомъ свойство, котораго даже никто изъ враждебныхъ ему польскихъ писателей въ немъ не замѣчалъ: это — трусость (стр. 74—96). Авторъ ничему другому не приписываетъ причину печальнаго исхода войны противъ поляковъ въ 1651 году, и пораженія казацкихъ силъ подъ Берестечкомъ. Авторъ упустилъ совершенно изъ вида при этомъ событіи, розыгравшееся въ семьѣ Хмельницкаго, потрясшее его и долженствовавшее имѣть большое вліяніе на его поведение и на его распорядительность. Жена Богдана Хмельницкаго, та самая женщина, изъ-за-которой возникъ у Хмельницкаго споръ съ Чаплинскимъ, по-

ложившій начало возстанію, женщина, которую Хмельницкій страстно любилъ, измѣнила ему, связалась съ какимъ то часовщикомъ, бывшимъ у Хмельницкаго довѣреннымъ человѣкомъ и содѣйствовала своему любовнику въ покражѣ у Хмельницкаго боченка, наполненнаго червонцами. Хмельницкій, находясь въ походѣ съ козаками противъ поляковъ, написалъ своему сыну Тимошею, чтобъ онъ раздѣлался съ преступниками и Тимошей приказалъ обоимъ виновныхъ, раздѣвъ до нага, связать вмѣстѣ sicut erant in actione adulterii и повѣсить. Хотя казнь совершена была по волѣ Богдана Хмельницкаго, но гетманъ, получивши о томъ извѣстіе, впалъ въ „большую кручину“. Понятно, что эта страшная семейная драма, случившаяся за какихъ-нибудь полтора мѣсяца до берестечской битвы, должна была не на одинъ день перевернуть все существо Хмельницкаго и лишить его спокойствія духа, необходимаго вождю для того, чтобъ управлять войскомъ и вести военныя распоряженія. Есть не мало извѣстій, что Хмельницкій послѣ этого долгое время чрезмѣрно пилъ и даже въ тотъ день, когда къ нему прибылъ ханъ крымскій, гетманъ не могъ достойно встрѣтить своего союзника, лежавши въ шатрѣ своемъ мертвецки пьянымъ. Послѣ берестечской катастрофы, когда Хмельницкій вмѣстѣ съ своимъ генеральнымъ писаремъ Выговскимъ былъ задержанъ бѣжавшимъ съ поля битвы ханомъ, а потомъ отпущенъ, онъ поспѣшилъ въ Украину собирать свѣжее войско для поданія помощи осажденнымъ казакамъ, но, достигши Павлочи, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать далѣе для своей цѣли, гетманъ пошелъ безъ просыпа двое сутокъ и это дѣлалось тогда, когда несчастное его полчище погибало въ болотахъ пляшовскихъ отъ польскихъ выстрѣловъ и отъ голода во время своего бѣгства. Только тогда уже онъ очнулся и принялся за свое дѣло, когда вновь женился, что немало удивило и разсмѣшило враговъ его поляковъ, никакъ не ожидавшихъ, чтобъ казакскій гетманъ, послѣ такого ужаснаго удара,

какимъ было для него истребленіе всего его полчища, могъ вдругъ приняться за такое веселое дѣло, какъ собственная свадьба. Кто знаетъ, какъ часто люди съ крѣпкою волею и твердымъ умомъ, испытавши внезапныя и ужасныя для нихъ потрясенія, предаются пьянству, думая какъ-нибудь, хоть виномъ, производящимъ одуреніе, заглушить жгучее душевное страданіе, тотъ пойметъ, отчего Богданъ Хмельницкій, послѣ насильственной кончины жены своей, предавался пьянству, а вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ присутствіе ума и не могъ успѣшно вести войну противъ поляковъ. Семейная драма Хмельницкаго была однимъ изъ тѣхъ многихъ примѣровъ въ исторіи, когда событія частныя, иногда вовсе незамѣчаемыя по ихъ наружной малозначительности, на самомъ дѣлѣ бываютъ истинными причинами важѣйшихъ общественныхъ переворотовъ, именно по силѣ вліянія, оказываемаго на душевное настроеніе историческихъ дѣятелей, заправляющихъ такими переворотами. Замѣтимъ, что новѣйшіе польскіе историки Шайноха и Кубалія приписываютъ важное значеніе въ дѣлахъ Украины этой семейной катастрофѣ у Хмельницкаго и замѣчаютъ, что послѣ трагической смерти своей второй жены, онъ явился уже не тѣмъ Хмельницкимъ, какимъ былъ прежде. Г. Буцинскій вовсе не упоминалъ объ этомъ событіи, какъ будто не зная о немъ, или считая его незначительнымъ.

Съ седьмой главы (стр. 110) до конца тринадцатой, книга г. Буцинскаго, будучи посвящена изслѣдованію дѣятельности Богдана Хмельницкаго со времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству до смерти гетмана, наиболѣе представляетъ любопытнаго и важнаго, и притомъ много такого, что до сихъ поръ не было изслѣдовано, а иное даже оставалось неизвѣстнымъ. Такъ, между прочимъ, авторъ знакомитъ насъ со статейнымъ спискомъ дворянина Ивана Желябужскаго, посланнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ сѣверградскому князю Ракочи въ видахъ удержать послѣдняго отъ на-

паденія на Польшу. Желябужскій, отправленный въ іюлѣ 1657 года, не доѣхалъ до своей цѣли, но былъ въ Украинѣ во время смерти Богдана Хмельницкаго и сообщилъ нѣсколько любопытныхъ чертъ, касающихся какъ личности гетмана, такъ и всего украинскаго общества того времени. Этотъ статейный списокъ отысканъ г. Буцинскимъ въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и прежде г. Буцинскаго никому изъ занимавшихся исторіею Украины не попадался въ руки. Руководствуясь прилежно и добросовѣстно изслѣдованными матеріалами, бывшими въ рукахъ г. Буцинскаго, онъ изображаетъ Богдана Хмельницкаго совсѣмъ въ иномъ образѣ, а не въ томъ, въ какомъ привыкли давно уже воображать его русскіе люди. Если Хмельницкій оказалъ услуги Россіи, то совершенно противъ своей воли. Онъ никогда не думалъ искренно и навѣки соединяться съ московскимъ государствомъ; онъ только хитрилъ и обманывалъ царя, нуждаясь временно въ союзѣ съ нимъ, чтобъ нанести ударъ своимъ закореяннымъ врагамъ—полякамъ, съ которыми, однако, онъ ближе былъ расположенъ сойтись, чѣмъ съ Москвою, даже и при самомъ усиленномъ стараніи возбудить противъ нихъ всякихъ враговъ между сосѣдями. Въ одно и тоже время украинскій гетманъ признавалъ себя данникомъ и московскаго царя, и турецкаго падишаха; увѣрялъ московское правительство въ своей непоколебимой вѣрности и заключилъ дружескіе договоры со Швеціею, которой московскій государь объявилъ войну, показывалъ королю польскому Яну Казимиру расположеніе возобновить миръ и союзъ съ нимъ и съ рѣчью Посполитою и въ тоже время помогалъ Ракочи, замышлявшему низвергнуть Яна Казимира съ престола. Со всѣмъ однако хитрилъ Хмельницкій, всѣхъ равно обманывалъ, преслѣдуя свою завѣтную цѣль—дать своей Украинѣ полную независимость, хотя не могъ самъ отрѣшиться отъ усвоеннаго съ юности идеала шляхетскаго строя, ненавистнаго для украинскаго народа. Хмельницкій представ-

ляетъ собою образчикъ коварнаго политика-дипломата, впрочемъ не хуже дипломатовъ-политиковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, такъ какъ дипломатія и политика всегда и вездѣ были неразлучны съ коварствомъ.

Въ заключеніе пишущій эти строки находитъ не излишнимъ объяснить по поводу сказаннаго въ книгѣ г. Буцинскаго на стр. 204. „Н. И. Костомаровъ несправедливо обвиняетъ московское правительство въ томъ, что оно, заключивъ въ Вильнѣ трактатъ съ Польшею, разрушило планы козацкаго гетмана, конечную цѣль его труда—освободить изъ польской власти и присоединить къ единой русской державѣ всѣ земли, гдѣ издревле процвѣтало православіе и слышалась русская рѣчь“.

Авторъ взялъ это мѣсто изъ моего сочиненія „Богданъ Хмельницкій“, котораго послѣднее изданіе вышло въ 1870 году. Но въ послѣдствіи, познакомившись съ такими источниками, которыхъ у меня прежде не было, я измѣнилъ свой взглядъ на Хмельницкаго и пришелъ именно къ тому, какой имѣетъ на эту личность г. Буцинскій. Я уже прежде г. Буцинскаго высказалъ его въ своей статьѣ: „Богданъ Хмельницкій—данныкъ Оттоманской Порты“, напечатанной сначала въ „Вѣстникѣ Европы“, потомъ въ XIV томѣ моихъ „Историческихъ монографій“, стр. 63—82.

Во всякомъ случаѣ настоящее изслѣдованіе г. Буцинскаго составляетъ очень замѣчательное явленіе въ нашей современной ученой литературѣ. Желательно, чтобъ молодой ученый, показавшій себя публикѣ съ такимъ успѣхомъ, подвизался и на будущее время для пользы наукъ, которой посвящаетъ свою дѣятельность.

Н. Костомаровъ.

1882 г. декабря 20-го.
С. Петербургъ.

